

Шедяков В. Е.

*доктор социологических наук, кандидат экономических наук,
независимый исследователь (г. Киев, Украина)*

Shedyakov V. E.

*DSc (Sociology), PhD (Econ.)
Free-lance (Kyiv, Ukraine)*

РЕФЛЕКСИВНЫЙ КОНТРОЛЬ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

REFLEXIVE CONTROL OF PRODUCTION ACTIVITY IN THE TRANSITION PERIOD

Аннотация. Период межпарадигмального перехода рассматривается как время проведения стратегических трансформаций. Производственная деятельность изучается в качестве важнейшего элемента социально-экономических изменений. Рефлексивный контроль характеризуется с точки зрения повышения организационно-управленческой эффективности. С этих позиций предлагаются пути дальнейшего совершенствования реформ.

Ключевые слова: производственная деятельность, труд, парадигма, переходный период, рефлексивный контроль.

Постановка проблемы. Человечество переживает смену парадигм своей жизнедеятельности и моделей развития. Переходный период – время стратегического маневрирования. При этом, в частности, пересекаются глобальные, региональные и национальные тенденции, сходятся социально-экономические фрагменты прошлого, настоящего и будущего. Разумеется, в существенной степени качество преобразований зависит от изменения условий совершенствования производственной деятельности.

Анализ последних исследований и публикаций. Данная статья базируется на результатах исследований научных школ, во-первых, рассматривавших пути развития, конкуренции и партнерства социально-экономических целостностей, во-вторых, характеризовавших особенности диапазона возможностей и рисков межпарадигмального переходного периода, в-третьих, изучавших динамику управленческих воздействий на процессы. Среди авторов подходов, чьи идеи непосредственно легли в методологические и теоретические основания – А. Агг, В. Арнольд, У. Бек, П. Бурдьё, И. Валлерстайн, Э. Гидденс, Э. Дюркгейм, Э. Ильенков, В. Иноземцев, М. Кастельс, Ж.-Ф. Лиотар, Н. Луман, В. Толстых, П. Фейерабенд, Г. Ферстер, М. Фуко, Ф. Хайек, Г. Хакен, П. Чекланд, А. Этциони, а также И. Ансофф, А. Арсеев, Ч. Бернард, А. Богданов, К. Боулдинг, Г. Браверман, М. Буравой, И. Буян, А. Бьюитандам, А. Венделин, Г. Гантт, А. Гастев, Д. Гвишиани, В. Геец, В. Глушков, В. Голиков, Д. Гэлбрейт, П. Друкер, Я. Кузьминов, П. Керженцев, А. Кредисов, Д. Макгрегор, И. Обломская, Ю. Осипов, А. Охрименко, Р. Оуэн, Е. Старосьцяк, Н. Полякова, Я. Пономарев, И. Пусенкова, А. Разжигаев, В. Суслов, А. Тюрго, А. Файоль, Ф. Херцберг, И. Чангли, Л. Эрхард.

Цель статьи заключается в характеристике рефлексивного контроля при межпарадигмальном переходе.

Изложение основного материала исследования. Действие закона неравномерности исторического развития приводит к постоянной смене лидеров развития в ойкумене, изменяя представления о должном и желательном и обостряя конфликтность между культурно-цивилизационными мирами и внутри них, что обеспечивает конкуренцию подходов и многообразие поисков ответов на исторические вызовы. Существо же происходящего парадигмального перехода связано с переращением ста-

диального (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Так, в частности, основными чертами, определяющими диапазон как наметившихся стратегических трансформаций, так и воздействия на них, становится переход: от экономики простого труда к экономике уникального творчества; от экзогенного количественного роста к эндогенному качественному развитию; от доминанты материального к духовно-нравственному и интеллектуальному; от формационного к неформационному; от обмена на основе сравнения товаров к обмену на базе сопоставления способностей; от дихотомии демократии/автократии к меритократии; от концептуальной открытости к признанию права на самоценность и обособленности культурно-цивилизационных миров; от космополитизма/национализма к регионализму и стратегическому партнерству; от навязывания единства шаблонов глобализма к постглобальному разнообразию. Ныне осуществляются изменения не только отдельных технико-технологических узлов, экономических институтов, но и самих моделей жизнедеятельности и развития, всей социокультурной среды конкуренции, отношений и структур. При этом в глобализованном мире свои ловушки ожидают всемирные центры и мировую периферию, интересных для «центров силы» и никому не нужных, удобных и неудобных. Но постсовременность дарует шанс на успех каждому из культурно-цивилизационных миров, надо лишь обеспечить интеграцию интересов, культуру проведения модернизации, увидеть возможности, быть к ним готовым: выращивать свои ресурсные базы и социально-экономические формы, позволяющие воспринимать и производить заблаговременный стратегический анализ, прогнозирование и конструирование успешных постглобальных проектов [1–4].

Парадигмальность трансформаций означает прежде всего возможность «обогнать, не догоняя» при использовании и общечеловеческого опыта, и особенностей конкретного культурно-цивилизационного мира. Взаиморезонирование свойств формирующейся эпохи и переходного периода к ней фиксируется в чертах поствременной модернизации, прежде всего – в рефлексивности [5–9]. Развитие демократии/народовластия и кардинальное усложнение материально-технической базы производства общественной жизни требует адекватного измене-

ния всего социального пространства жизнедеятельности, всей общественной среды производства. Если сущность переходного периода имманентна усилению предпосылок общественных антагонизмов, то задача социетального контроля (в частности, производственной деятельности) – именно подбор форм и механизмов их недопущения. Разнообразие условий и богатство прошлого должны помогать будущему, а не разрушать настоящее, стреножа развитие. Дореклексивное же сознание заменяет правду сущностного бытия правдоподобием мира иллюзий, той второй реальности, «собственного мира», что порождается фетишизмом бытия.

Тенденции изменений общественных целостностей знают эпохи и моменты перехода на стыке между ними, характеризующие особенности развертывающегося исторического процесса. Сущность процессов, наполняющих переходный период, связана с противоборством различных вариантов дальнейших изменений, а не только отрицанием прошлых стратегий и рождением грядущих. Важность переходной межпарадигмальности связана, прежде всего, с выходом за пределы «коридора свободы», а значит, кардинальным ростом диапазона как возможностей, так и рисков. Многие социальные тенденции все еще только формируются, другие трудно распознать в море прежних закономерностей и фактов, характеризующих уходящую реальность. Вместе с тем гигантски расширяется поле выбора, повышая уровень ответственности основных субъектов принятия решений. Предиктором же в точке бифуркации может стать и очень слабое воздействие в ключевой для общества точке. Направленность, темпы, очередность, результаты общественных метаморфоз во многом зависят от состояния и динамики экономической культуры, особенно в момент форсированных перемен парадигмального уровня. Определяется соотношение сил в структурировании общественных противоречий, то, в чьих интересах и кем будут осуществляться перемены. Смена эпохи предполагает новую модель в трактовке прошлого, настоящего и будущего. На этой фазе трансформаций общества интенсивно распространяются зоны гибридных взаимодействий, размывая однозначность организационных правил и усиливая тенденции децентрализации хозяйственного управления, фрагментации огромных структур, повышения гибкости распределения деятельности и стратегического партнерства, а значит, обостряя противоречия. В переходный период конкурируют факторы объективные и субъективные, закономерные и случайные, уникально невозвратимые и циклично повторяемые. Эта логика может характеризоваться с позиций втягивания народов в постсовременные модели развития (включая постмодерн культуры, постиндустриальный строй общества и организационно-управленческий постфордизм), осуществляясь в глобальном масштабе. С одной стороны, это означает акцентирование соответствующих начал социально-экономической жизни вне зависимости от субъективных желаний и осознания происходящего. С другой же, понимание сущности процессов и границ эффективного влияния позволяет превращаться в коллективного субъекта стратегических преобразований, используя субъектность отношений как фактор конкуренции [10–14].

При этом именно производственная деятельность в глобальном масштабе долгое время была определяющей в жизни общества и человека. Процессы социально-экономического и технико-технологического развития трансформировали ее значение, усилив звучание других проявлений активности. «Простой труд» с акцентированием физической силы, ловкости, выносливости и т. п. все

эффективнее замещается уже не отдельными машинами или автоматами, а роботизированными узлами и линиями. Однако, с одной стороны, тем важнее стало социальное измерение производственной деятельности, в частности трудовых отношений, и, соответственно, интенсивнее – диффузия с прочими измерениями жизни: нарастает отношение к труду как направлению самореализации человека, а не просто вынужденной тяготе и необходимости. С другой, на первый план выходит уже не просто сложный, высококвалифицированный труд, а развитие и (прежде всего, интеллектоемкая) реализация творческой одаренности в производственном процессе. Для этого человек из дополнения к производственному оборудованию превращается в самоценный фактор как труда, так и управления. Вместе с тем и на острие отчуждающих человека на производстве сил теперь тоже – творческая (в первую очередь, интеллектоемкая) деятельность, несущая потенциал обеспечения эффективности и победы в конкуренции [15–18].

Значимо меняется качество процессов социализации – индивидуализации человеческой деятельности. Характер одаренности, комбинация способностей, заинтересованности, знаний и опыта крайне индивидуальны. Но в производственной деятельности человек накрепко интегрирован как в систему прежнего труда предшествующих поколений (в частности, в оборудовании овеществлена определенная функциональность), так и в технологические печочки современности (например, смежников, конкурентов, потребителей и т. д.). Общественное разделение труда приводит к тому, что для субъекта присвоения продукты чужого труда – уже не чужие продукты; снижение целостности каждого человека компенсируется ростом родовых черт (многообразия богатств, общественного характера деятельности, социальных связей, социальной силы). Но в то время как преимущества общественного разделения труда имеют родовой характер, недостатки его индивидуальны. Общественное разделение труда меняет качество производительности. Если отдельный производитель выполняет сам все операции по изготовлению продукта, то его производство имеет частный характер, если выполняет часть, то – общественный. В последнем случае, чтобы трудиться производительно, достаточно быть частью совокупного рабочего. Более того, само производство и осуществляемо «под конкретных потребителей» (а вовсе не «на рынок»), что сказывается на ценообразовании, роли маркетинга, и в силах манипулировать потребительскими предпочтениями (например, управляя модой, брендингом и т. п.). С одной стороны, и сам товарообмен начинает дрейфовать в сторону обмена способностями и знаниями, а владение теми и другими определяет величину затрат общественно необходимого труда. С другой же – повышаются значение и размеры сектора организации экономики на внерыночных началах (к примеру, в государственном механизме рост рыночных подходов означает развитие коррупции). Под влиянием постиндустриальных тенденций трансакционные издержки (transaction costs) не только нарастают, меняется их структура. Успешно конкурируют ныне сумевшие повысить эффективность использования ведущих из них, сформировать свою этику отношений не только труда или же перераспределения, но и других измерений жизни.

Воздействие же на субъектов производственной деятельности в этих условиях меняет диапазон эффективных мер. Трансформируется дерево целей: во главу угла ставится раскрытие на производстве индивидуальной комбинации творческих возможностей человека. Смещаются акценты в регулировании – от директивного администри-

рования к умению мотивировать и организовать. На первый план выходит стимулирование желательного поведения, в частности творческой (прежде всего, интеллектоемкой) производственной деятельности. Принуждение, как внеэкономическое, так и экономическое, для творчества оказывается гораздо менее эффективным, нежели осуществление комплекса мер для создания благоприятных условий и обеспечения общего контроля процесса. Организация производственных циклов требует гибких, изменчивых технологий и гораздо более квалифицированных работников, адаптирующихся к постоянным разноуровневым изменениям и, соответственно, готовых к непрерывному обновлению знаний. Правилom становятся и качественно более высокая социальная дифференциация, и разнообразие жизненных стилистик. Вместе с тем межотраслевые и внутриотраслевые потоки хозяйственного взаимодействия в регионах и между ними трансформируются разносекторными структурами стратегического партнерства/кооперации и конкуренции/соствязания. При создании плодотворной хозяйственной среды с усилением тенденций постиндустриализации производственных отношений с присущими ей глобализацией процессов хозяйствования и появлением все более изощренных и утонченных инструментов переживания возможностей и рисков активно возникают кластеры развития, где в первую очередь поднимается качество жизни, уровень экономики, куда приходят новые добросовестные долгосрочные инвестиции, новые технологии. И, разумеется, чтобы разные факторы производства были активизированы из состояния потенциала и сведены воедино, необходима целенаправленная, качественная и профессиональная организационно-управленческая работа. Так, в постсовременных условиях распространения хозяйственно-экономической культуры постмодерна и постиндустриальных производственных отношений быть успешным глобальным конкурентом означает, в первую очередь, именно найти адекватную своим особенностям политико-экономическую нишу, сознательно приняв на себя соответствующие возможности, ресурсно-методологические вызовы, позитивные и негативные риски и ограничения. Адекватным организационным дополнением механизма обеспечения баланса интересов в этой ситуации становятся промышленная демократия, социальное партнерство сторон трудовых отношений и обеспечение высокого уровня социальной ответственности как государства, так и бизнеса. Соответственно, распространяются зоны гибридных взаимодействий, размывая однозначность организационных правил, усиливая тенденции децентрализации хозяйственного управления и повышения гибкости распределения деятельности.

Природа рефлексивного контроля процессов общественной жизни требует внимания и учета качеств не только объективной, но и субъективной составляющей процессов трансформаций, в частности деятельных участников и колеблющихся, актива и пассива происходящего, их структурной и функциональной определенности. Тем самым оптимальное развитие социально-политических процессов предполагает вызревание как самой общественной среды, так и кластеров будущего как звеньев цепи, потянув за которые можно изменить положение всего социально-экономического организма. При этом рефлексия в себя и в иное сопряжена с повышением глубины знания как предпосылки эффективного воздействия [19–21]. Соответственно, качество рефлексивного контроля на производстве тесно связано с доминантными формами рациональности. Вместе с тем наиболее продуктивным становится осуществление воздействия на основе ценностно-смысловых комплексов. При этом,

с одной стороны, рост значимости образования, науки и культуры среди ценностных иерархий влечет за собой ускорение общественного развития, а подъем общества, в свою очередь, приводит к повышению ценности образования. С другой – увеличение структурирующего международные хозяйственные отношения влияния закономерностей формирования экономики знания само по себе усиливает потребность в интеллектуальной деятельности и регулярном возобновлении научно-методологической базы. При этом эффективность функционирования общественных целостностей зависит от сбалансированности всех звеньев и ритмичности их взаимодействия. Вместе с тем подчас инверсионные явления неклассической трансформации позволяют более полно использовать имеющиеся превращенные (преобразованные) социально-экономические формы в процессе рефлексивного контроля. Наличие большего количества управляемых процессов приводит как к необходимости их иерархической организации (т. е. к воссозданию подхода иерархичности структур наряду с построением сетевым, матричным и проч.), так и развитию бесструктурного регулирования. При этом создана возможность более гибкого и мягкого отражения в стратегии контроля наличия аномальных социально-экономических явлений и периферийных культур; если жесткая сила в контроле основана на принуждении, мягкая – на формировании привлекательности желательного для объекта влияния поведения. При этом ведущим направлением воздействия при проведении направленных изменений и главным фактором итоговой конкурентоспособности сегодня выступает информационная сфера. Вместе с тем подчас инверсионные явления неклассической трансформации позволяют использовать в процессе рефлексивного контроля превращенные (преобразованные) социально-экономические формы. Наличие большего количества управляемых процессов приводит как к необходимости их иерархической организации (воссозданию подхода иерархичности структур наряду с построением сетевым, матричным и проч.), так и развитию бесструктурного контроля.

Выводы. Методология стратегических воздействий значимо трансформируется с изменением общества и его составляющих. Однако устаревание прежних организационных схем и необходимости отказа от предубеждений вовсе не означают, разумеется, отказа от контроля деятельности. Вместе с тем при оценке возможностей применения методологии приходится учитывать подвижность общественных ожиданий и роль информационной инфраструктуры.

С одной стороны, коллизии, свидетелями и (вольными или невольными) участниками которых мы являемся, формируют новый каркас не только политического, а всего социокультурного мировосприятия, на уровне фундаментальных и актуальных подвижек, состояния и динамики социокультурной ткани. Решается вопрос качества социального устройства, общественного лада, уровня партнерства и кооперации в каждом из культурно-цивилизационных миров и пространстве их общения. С другой стороны, обеспечение достойного качества жизни и места страны в международных экономических отношениях сегодня напрямую зависят от умения создать прочные основания для гармонии на производстве как существенной составляющей части гражданского мира. Высокий же уровень диффузии навыков и практик из производственно-трудовой сферы в прочие увеличивает общее значение для социума организационно-управленческих подходов, применяемых в ней. Вместе с тем период заметного и существенного преобладания трудового измерения жизнеде-

тельности над остальными (когда учение – подготовка к труду, зарплата и пенсия – вознаграждение за него, а оценка человека как труженика довлеет над иными) уже в прошлом. Сегодня и другие сферы жизнедеятельности самоденны, и альтернативный стиль жизни приобрел уже не спорадическое, исключительное существование, а равноправную весомость; и активность, например, в игре и обучении все чаще определяет не досужее увлечение, а основной для личности поток социализации, ее мировоззрение, само отношение к жизнедеятельности.

Причем если часть менеджеров по-прежнему склонна формировать цели, средства и модели управления, исходя из своего субъективного и ограниченного опыта прежних лет, то объективный спрос практики все более требует учета возможностей новых организационных структур, задач, масштабов и ресурсов кооперации. При выходе же за пределы традиционных подходов усиливается необходимость и принятия решений по правилам игры с ненуле-

вой суммой, и вторжение виртуального мира в реальное социально-экономическое пространство.

Осуществление моделей «рефлексивной модернизации» предусматривает качественно новые модели глобальной конкуренции, эффективное владение которыми требует более полного использования творческих возможностей людей и креативного потенциала экономических отношений вообще. Относительно же запоздалое проведение модернизации в сложнейших условиях (даже не просто постсовременности, а, по мнению ряда аналитиков, квазипостсовременности или постнедомодерна) парадоксальным образом предоставляет Украине и очевидные преимущества, связанные, в первую очередь, с возможностями аккумулирования международного и отечественного опыта, обеспечением качества передовых подходов и методов научного исследования, народным контролем субъектности перемен и прочими ресурсно-методологическими базами рефлексивности.

Список использованных источников:

1. Hayek F.A. The Fatal Conceit. The Errors of Socialism: monograph; ed by W.W. Bartley, III, 1988. 194 p.
2. Шедяков В.С. Трансформації міжнародних економічних відносин як фактор удосконалення інтеграційних процесів. Економіст. 2014. № 11. С. 14–19.
3. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. Рухес. 2016. № 4(3). С. 104–114.
4. Шедяков В.Е. Переходный период: сущность, содержание, формы. Науковий вісник Херсонського державного ун-ту. Сер. «Економічні науки». 2017. Вип. 25. Ч. 1. С. 17–21.
5. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order: collective monograph / Ulrich Beck, Anthony Giddens, Scott Lash. Stanford: Stanford University Press, 1994. 233 p.
6. Лефевр В.А. Рефлексия: монография. М.: Когито-Центр, 2003. 496 с.
7. Шедяков В.Е. Рефлексивная постсовременная модернизация и рефлексия постсовременной модернизации. ВУЗ. XXI век. 2012. № 2. С. 50–73.
8. Шедяков В.С. Можливості рефлексивної модернізації: роль соціальної організації людського капіталу в запобіганні ризиків розвитку. Політологічний вісник. 2012. Вип. 60. С. 260–271.
9. Шедяков В.С. Можливості рефлексивної модернізації соціальної організації трудових відносин в Україні. Соціальна психологія. 2009. № 6(38). С. 69–78.
10. Отчуждение труда: история и современность: коллективная монография / Я.И. Кузьминов, Э.С. Набиуллина, В.В. Радаев, Т.П. Субботина. М.: Экономика, 1989. 287 с.
11. Лепа Р.Н. Рефлексия принятия решений в экономике. Вестник УрФУ. Сер. «Экономика и управление». 2014. № 3. С. 4–12.
12. Леонтьев Д.А., Осин Е.Н. Рефлексия «Хорошая» и «Дурная»: от объяснительной модели к дифференциальной диагностике. Психология. 2014. Т. 11. № 4. С. 110–135.
13. Шедяков В.Е. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов. Актуальні проблеми філософії та соціології. 2016. Вип. 12. С. 148–152.
14. Шедяков В.Е. Осуществление парадигмальных трансформаций: сорезонирование стратегии, тактики и оперативного искусства в управленческих композициях. Development and modernization of social sciences: experience of Poland and prospects of Ukraine: collective monograph; Maria Curie-Skłodowska University. Lublin: Baltija Publishing, 2017. С. 282–307.
15. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen: monographie. München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 463 s.
16. Double Shift. Transforming Work in Postsocialist and Postindustrial Societies: collective monograph; ed. by B. Silverman, R. Vogt, M. Yanowitch. N.Y., L.: M.E. Sharpe, Inc., 1993. – 217 p.
17. Шедяков В.Е. Распространение интеллектуального творчества и рефлексивного управления – необходимость успеха постсоветской модернизации. Проблеми системного підходу в економіці. 2017. № 5(61). С. 9–15.
18. Шедяков В.С. Творче засвоєння світу – елемент соціалізації / акультурації. Modern methods, innovations and operational experience in the field of social sciences: Proceedings of the International research and practice conference. Maria Curie-Skłodowska University, Lublin Science and Technology Park S.A. Lublin, Republic of Poland, October 20–21, 2017. P. 154–156.
19. Роль рефлексивного управления в обеспечении жизнеспособности социально-экономических систем / Л.Н. Сергеева, А.В. Бакурова, Т.Ю. Огаренко; под ред. Р.Н. Лепы. Рефлексивные процессы в экономике: концепции, модели, прикладные аспекты; НАН Украины, Ин-т экономики промышленности. Донецк: АПЕКС, 2010. 306 с.
20. Шедяков В.С. Організаційна культура корпорації як умова відповідності вимогам розвитку трудових відносин. Гілея. 2014. Вип. 83 (№ 4). С. 385–393.
21. Шедяков В.С. Управління працею в умовах підвищення рівня взаємозалежності в економічному житті суспільства: актуальні питання стратегічних трансформацій. Економіст. 2014. № 7(333). С. 26–32.

Анотація. Період міжпарадигмального переходу розглядається як час проведення стратегічних трансформацій. Виробнича діяльність вивчається як найважливіший елемент соціально-економічних змін. Рефлексивний контроль характеризується з погляду підвищення організаційно-управлінської ефективності. З цих позицій пропонуються шляхи подальшого вдосконалення реформ.

Ключові слова: виробнича діяльність, праця, парадигма, перехідний період, рефлексивний контроль.

Summary. The inter-paradigm transition period is considered as the time of strategic transformation. Production activity is being studied as an important element of socio-economic changes. Reflexive control is characterized from the point of view of increasing organizational and managerial effectiveness. From these positions, ways of further improving the reforms are proposed.

Key words: production activity, labour, paradigm, transition period, reflexive control.

УДК 336.025

Штогринець Н. В.

*кандидат економічних наук, доцент,
доцент кафедри економіки і підприємництва
Буковинського університету*

Кускова В. Г.

*старший викладач
Буковинського університету*

Shtogrynets N. V.

*Ph.D., Associate Professor of Economics
and Entrepreneurship Department
PIHE «Bukovinian University»*

Kuskova V. G.

*Senior Lecturer,
PIHE «Bukovinian University»*

ОБ'ЄКТИВНІ ПЕРЕДУМОВИ ТА ОСНОВНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФІНАНСОВОГО КОНТРОЛЮ

OBJECTIVE PREREQUISITES AND THE MAIN CHARACTERISTICS OF FINANCIAL CONTROL

Анотація. Трансформацією контрольних функцій суб'єктів контролю завжди супроводжується перехід від однієї форми до іншої: змінюються завдання і зміст контролю, його методи й організаційні форми внаслідок причин політичного та економічного характеру. Це дає змогу авторам стверджувати, що різні види фінансового контролю та його цілісна система, до якої ці види входять, не є статичними, остаточно визначеними. Характеристиками та сутністю державних фінансів, їх внутрішня глибока суперечливість, умови переходу від економіки одного типу до економіки іншого типу найсуттєвіше проявляються у фінансовому контролі. У статті розкрито об'єктивні передумови контролю в Україні, визначено суть фінансового контролю у здійсненні фінансової політики держави.

Ключові слова: фінансовий контроль, об'єктивні передумови, види фінансового контролю, фінансова діяльність, фінансова політика.

Постановка проблеми. Значних фінансових ресурсів потребують перетворення, які відбуваються сьогодні в Україні. Вони повинні забезпечити своєчасне і повне виконання функцій і завдань держави. Своєчасність та повнота надходження фінансових ресурсів до держфондів, дотримання законодавства під час розподілу та використання коштів залежать від чіткої організації і здійснення фінансового контролю.

Від здійснення контролю над виконанням законів, рішень, розпоряджень, від чіткої організації їх виконання великою мірою залежить ефективність роботи органів місцевого самоврядування і виконавчої влади. Систематичний і всезагальний контроль сприяє забезпеченню

повної обґрунтованості рішень, положень та інших нормативних документів, вчасної їх реалізації.

Аналіз останніх досліджень і публікацій. Дослідженню контролю та його різних видів і напрямів присвячено різноманітні наукові літературні джерела. Вчені підходять до проблеми контролю по-різному. Деякі автори вважають, що контроль – це функція фінансів, інші стверджують, що це – різновид державного, говорячи про нього як про функцію управління, треті сприймають його як інститут фінансового права.

Проблемам фінансового контролю присвячували свої дослідження такі науковці, як: А.О. Альський, О.Ф. Андрійко, І.А. Андреев, О.О. Анісімов, В.Г. Афа-